

5. Салтыков-Щедрин М.Е. Современная идиллия // Собрание сочинений в 20 томах. Т. 15. М.: Художественная литература, 1973.
6. Эртель А.И. Записки Степняка. М: Правда, 1989.

ФЕЛЬЕТОНЫ ЛЕМА¹

Пёрцген И.

Бременский университет, г. Бремен, Германия, профессор

1. Эссе и фельетоны Станислава Лема: введение

Нет ничего более мимолетного, чем будущее. Фантастические проекты будущего, которые встречаются в научной фантастике, быстро теряют актуальность из-за технического прогресса и социальных изменений. Отличительной чертой авторов научной фантастики считается предвидение, реализованное в их произведениях. Такие комментарии можно также найти в изобилии о Станиславе Леме. В то же время в его работах достаточно аспектов, которые сегодня кажутся устаревшими. Например, библиотека на космической станции Солярис заполнена книгами, сделанными из бумаги, без следа оцифровки. Что касается "Возвращения со звезд", с другой стороны, отмечается, что Лем предсказал изобретение флэшки.

В последние 20 лет своей жизни Лем отвернулся от жанра научной фантастики, да и вообще от фикциональной литературы, и сосредоточился в своих сочинениях на эссе и фельетонах. В этом контексте возникает вопрос, как эти поздние тексты вписываются в творчество Лема. В этой статье рассматривается вопрос о том, насколько актуальны самые последние тексты Лема и верны ли, например, оценки редакторов тома "Планета Лем: Надвременные фельетоны" (Planeta LEMA: Felietony ponadczasowe; 2016), что нефикциональная короткая проза Лема является независимым от времени вкладом в фельетон как жанр. В анализе учтены произведения Лема, которые были собраны и опубликованы в отдельных томах. Поскольку публикация в книжной форме продолжается семьей Лема после его смерти, количество книг с очерками, художественными текстами и другими журналистскими работами в настоящее время велико:

1. "Приятные времена" (Lube czasu, 1995, коллекция фельетонов из газеты "Тыгодник Повсехный"/Универсальный еженедельник из серии "Мир по Лему" за 1994-1995 гг.).
2. "Sex Wars" (1996 г., сборник очерков и эссе).
3. "Тайна китайской комнаты" (Tajemnica chińskiego pokoju, 1996, сборник эссе польского издания "PC Magazine").
4. "Отверстия в целом" (Dziury w całym, 1997, коллекция фельетонных текстов 1995-1997, продолжение Lube czasu).
5. "Мегабитная бомба" (Мегабитовая Бомба, 1999, сборник эссе из "PC Magazine").
6. "Augenblick" (Okamgnienie, 2000, сборник эссе, на немецком языке: опубликовано под названием „Riskante Konzepte“).
7. "Дилемма" (Дылематы, 2003, сборник эссе).
8. "Мой взгляд на литературу" (Mój pogląd na literaturę, 2003, Очерки и литературная журналистика).

¹ Этот текст является переводом статьи на немецком языке, опубликованной в сборнике редактора Яцка Жешотника, 2021 г.

9. "Короткое замыкание" (Krótkie zwarcia, 2004, избранные фельетоны с 1994-2004 из газеты "Тыгодник Повсехный").

10. "Хищная порода". Последние тексты" (Rasa drapieżców. Teksty ostatnie, 2006).

11. "Планета ЛЕМА". Вневременные фельетоны" (Планета LEMa. Felietony ponadczasowe, 2016, избранные фельетоны).

12. "Черт и шедевр" (Diabeł i arcydzieło, 2018, избранные фельетоны).

Фельетоны также представлены в собраниях сочинений Лема. Пока Лем был еще жив, в 2004 году был издан том "Krótkie zwarcia" с подборкой фельетонных текстов из "Tygodnik Powszechny". В 2016 году была опубликована уже упомянутая подборка "Планета LEMa".

Настоящий анализ сосредоточен на трех книгах: "Lube czasy", "Rasa drapieżców" и "Planeta LEMa". "Lube czasy" был первым томом-сборником фельетонов Лема, которые появились в газете «Тыгодник Повсехный» в начале 1990-х годов. Он является началом этой формы публикации, которая определила последний период жизни и творчества Лема. "Rasa drapieżców" резюмирует тексты последних двух лет жизни Лема и знаменует собой заключение. "Планета Лема" претендует на то, чтобы собрать воедино тексты из фельетонного творчества Лема, которые имеют вневременное значение. Синописис трех томов содержит обзор тем, вокруг которых Лем размышлял и на которые писал примерно с 1990 по 2006 год. Это документирует непрерывную производительность Лема как автора. Однако это также показывает, что фельетоны, которые появились в газете „Tygodnik Powszechny“ и были переопубликованы при жизни Лема или сразу после его смерти, являются своего рода бытовым приближением к мирам мысли Лема в сочетании с пониманием национальных и международных событий, которые обсуждались в Польше в то время, когда были написаны тексты.

Цель исследования состоит в том, чтобы сделать свой собственный прогноз: Что осталось и что остается от Лема? Фикциональная проза, такая, как романы «Солярис» и «Футурологический конгресс», рассказы о пилотах Пирксе и Тихом или сказки о роботах, занимает прочное место не только в польской и международной фантастике, но и за ее пределами. Об этом свидетельствуют новые издания этих работ на языке оригинала, а также их переводы на немецкий, английский, русский и другие языки. Одной из причин популярности является вовлеченность Лема во вневременные темы, такие, как сознание, балансировка интерфейса между человеком и машиной, и т.д. Фельетоны в настоящее время представляют интерес по политическим причинам. Однако, как показывает выбор тома "Planeta LEMa", тексты, которые, скорее всего, переживут ближайшие десятилетия, относятся и к философии технологии.

2. Отречение Лема от вымысла

Хотя Лем писал научную фантастику, он всегда критиковал этот жанр. Он жаловался на то, что другими авторами «научная» часть «фантастики» игнорировалась. Это и повлияло на его отношение к нему как к автору. Он обрадовался, что ученые в Советском Союзе отнеслись к нему серьезно.

Лем был разносторонним писателем. В дополнение к романам и рассказам он писал теоретические исследования. Наиболее примечательными из них являются «Сумма технологии» (1964) и «Философия случая» (Filozofia przypadku, 1968). Уже в 1962 году был опубликован том эссе и литературной журналистики «Выход на орбиту» ("Wejście w orbitę").

После возвращения Лема из Вены в Польшу и падения социалистического строя в Польше, Лем писал фельетоны. Выбор издательства "Tygodnik Powszechny" продемонстрировал последовательность писателя. По словам сына Лема Томаша, Лем начал свои первые публикации в этой газете вскоре после переезда из Львова в Краков, а

также писал для левого журнала «Кузница», не беспокоясь об идеологическом антагонизме этих издательств (ср. Tomasz Lem 2009, 18).

Томаш Лем сам размышляет о том, как Лем отворачивается сначала от длинной формы, а затем от фикциональных жанров в целом:

«Беллетристика принимала – слишком часто, чтобы это случилось случайно – все больше и больше вид рецензий на несуществующие книги или предисловий к ним. Я подозревал, что такой лаконичный способ изложения мысли о книге вместе с непосредственным дистанцированием от нее, с оценкой "холодным взглядом", не был продиктован усталостью самой фабулой или нетерпением, которое характеризовало все начинания моего отца, как в литературе, так и в жизни».

"[...] beletrystyka – zbyt często, aby było to dziełem przypadku – zaczęła ustępować miejsca recenzjom z nieistniejących książek lub wstępom do nich. Podejrzywałem, że taki skrótowy sposób przedstawienia pomysłu na książkę wraz z natychmiastowym zdystansowaniem się wobec niej, czy też dokonaniem jej oceny 'chłodnym okiem', nie był podyktowany jedynie znudzeniem fabułą jako taką czy niecierpliwością, która cechowała wszystkie poczynania ojca, i literackie, i życiowe". (Т. Лем, 2009, 169)

Томаш Лем видит связь между изменениями в творчестве отца и своим собственным рождением в 1970 году. Хотя Станислав Лем оставил заботу о ребенке своей жене Барбаре и ее матери, он всегда принимал участие в судьбе ребенка: «Однако эта забота ограничивалась главным образом "беспокойством", его талант к этому был сравним с его писательским» ("jednak była to troska ograniczona głównie do samego "martwienia się", który to talent dorównywał pisarskiemu."). (Т. Лем, 2009, 170)

В 1973 или 1974 году Станислав Лем тяжело заболел, и его пришлось оперировать в Катовицах. Т. Лем описывает связь этого события с изменениями в творчестве как «довольно смелую гипотезу» („dosyć śmiała hipoteza“), но он подозревает, что тексты его отца, которые он написал после этого, были отмечены озабоченностью, что ему могло бы оставаться недостаточно времени написать всё, что он еще должен был сказать, поэтому он переключился на короткую форму. Короткое возвращение к роману в венский период Лема, в котором он написал «Фиаско», было, вероятно, связано с финансовыми причинами: «Из-за своего скромного материального положения» ("Z powodu kruchej sytuacji finansowej") он принял заказ немецкого издательского дома «Зуркамп». (Т. Лем, 2009, 172)

3. Фельетоны: Подходы

Газеты и журналы менее долговечны, чем книги. Они спроектированы таким образом, чтобы быть современными, и архивируются в библиотеках, но в домашних хозяйствах они часто оказываются в макулатуре. Первым шагом к тому, чтобы увековечить эссе и фельетоны Лема, стала их сборная публикация в книжном формате.

Показателем возможной длительности на фоне ограниченного временного горизонта является наличие переводов на другие языки. Перевод и публикация текстов требуют времени. Тексты, которые касаются исключительно политических событий, редко рассматриваются издателями как подходящие для публикации и приема в других странах. Перспектива также играет здесь свою роль. В случае публикации, выходящей за рамки академического мира, первоначальный текст должен быть релевантным за пределами национального контекста.

Эссе Лема доступны в опубликованных переводах на английский, немецкий и русский языки. С фельетонами ситуация иная. Переводился только один том: перевод "Dylematy" (2003) был опубликован на венгерском языке (2005). Последние фельетоны Лема широко освещают ситуацию в России и Украине. Поэтому Семинар переводчиков «Трансатлантик» выпустил русскоязычную версию, доступную в Интернете. Немецко-

или англоязычные читатели не имеют доступа к фельетонам Лема, в отличие от научной фантастики и эссе. Что они пропускают?

Фельетоны – короткие прозаические тексты. Типичными темами являются книжные и театральные рецензии, отзывы о концертах и выставках, разговоры о текущих событиях, отчеты о путешествиях. Характерными чертами являются субъективность и ассоциативный подход. Тексты короче, чем эссе, требования к читателю, как правило, не столь высоки.

В последние годы своей жизни Лем писал в основном фельетонные тексты и так выбрал жанр, расцвет которого пришелся на XIX век (см. Feuilleton в Metzler Lexikon Literatur, 3-е издание 2007 г.; 237; Irmgard Schweikle, Kai Kauffmann).

В своем эпилоге к сборнику "Krótkie zwarcia" (2004, том 31 серии "Собрание сочинений / Dzieła zebrane", Wydawnictwo litackie) Ежи Яжебский характеризует фельетоны как «часто эфемерные тексты» ("ulotnych często pism"; 419). Лем неоднократно заявлял, что в своих фельетонах он прежде всего хотел бы выразить свою озабоченность ("dawać wyraz rozmaitym zmartwieniom"; 419).

Их можно сгруппировать в следующие тематические комплексы: ситуация в мире, перспективы науки, биотехнологии, политика, общество, присутствие истории в современной культуре, воспоминания друзей и литература. Полемика также включена. Яжебский характеризует компиляцию, как и фельетонное письмо Лема в целом, как "силву" (poln. sylwa), т.е. как своего рода летопись. Яжебский устанавливает связь с ранней работой Лема. Если Лем предсказывал будущее в своих эссе, то фельетоны обсуждают настоящее время. Лем не ограничивается «тихим статусом мудреца и глоссатора» ("spokojny status mędrca i glosatora"; Яжебский в Лем 2004, 420). Для этого он слишком озабочен миром. Также причина беспокойства является объектом диагноза Яжебского. В то время как техника развивается по параметрам, предсказываемым Лемом, культура, понимаемая как произведение, а также ценности, обычаи, этика и политика, развивается в совершенно ином направлении.

Яжебский признает за фельетонами вневременную ценность: "Если посмотреть на прогнозы и ожидания Лема с короткой, малолетней перспективы, становится ясно, что он также очень точный в своих предсказаниях и его слова сбываются" („Jeśli przyjrzyjmy się prognozom i oczekiwaniom Lema w krótkiej, paroletniej perspektywie, okaże się, że i tu przewiduje bardzo sprawnie, a jego słowa się sprawdzają". (Яжебский в Лем, 2004, 422). К сожалению, Яжебский не приводит никаких примеров для этой оценки. Он приписывает Лему желание действовать в качестве посредника. В связи с политическими потрясениями развитие ускорило и не может быть локализовано в далеком будущем, как это делал Лем в 1960-х годах, в том числе и из-за цензуры, когда пытался переводить текущие события в категории большой длительности.

4. Lube czasy (1995)

На официальном сайте Лема, которым управляет "Усадьба Лема", его книги разделены на четыре категории: художественная литература, апокрифы, эссе и другие. Несмотря на эссеистический подход фельетонных текстов, сборник "Rasa drapieżców" можно найти в разделе "Другие". "Lube czasy", первый сборник фельетонов Лема, не указан.

Томаш Фялковский выбрал для этого тома фельетоны. Критерии, использованные для отбора, не упоминаются. Тексты сгруппированы по темам:

I. За гребнем века, II. Информационный душ, III. Цена свободы, IV. Кошмары футуролога, V. Возвращение в прошлое, VI. Нежеланное чудо? (I. Za grzbietem wieku, II. Informacyjny prysznic, III. Cena wolności, IV. Koszmary futurologa, V. Powrót do przeszłości, VI. Cud nie chciany?). Внутри групп тексты, вероятно, появляются в

хронологическом порядке. Об этом тоже нет никакой информации. Тексты короткие и варьируются от 4000 до 6000 символов.

Тексты появились в разделе "Świat według Lema". В соответствии с заявленной перспективой, Лем часто ссылается на польские, английские и немецкоязычные СМИ (New York Times, Herald, Spiegel). Однако ясно и то, что Лема едва ли волнуют испаноязычная и азиатская части мира. Он не ссылается на русскоязычные средства массовой информации, которые мог бы получить.

Он занимается текущими событиями. Несколько недель он занимается терактами в токийском метро. Его занимают взрывы смертников и религиозный фанатизм, а также терроризм (Wiek parieru ścierniego). Война в Боснии упоминается снова и снова. Одной из главных тем является национал-социализм и истребление евреев. Упоминается также ГУЛаг. Лем внимательно следит за конфронтацией с историей, особенно в Польше и Германии, и связывает ее, например, с событиями в Боснии. Холокост для него является семенем, которое выросло в глобальный терроризм (Poza granicą rojmowania).

Оглядываясь назад, ясно видишь то, как события, доминирующие в сегодняшних новостях, обусловлены событиями начала 1990-х годов, что изменилось и какие созвездия остались прежними. Экономика Польши зависит от российской нефти и газа (Na szlachech bałkańskiej wagi). Беларусь и Украина зависят от России, но ситуация нестабильная (Szklany but).

Лем критикует Россию до степени русофобии. Он также выступает с обширной критикой США, Германии и Польши (и других стран), но ни к какой другой стране не относится столь негативно, как к России. Доминирующее поведение по отношению к своим западным соседям и монополизация ископаемого топлива являются двумя факторами. Лем даже сравнивает чеченский террор с борьбой польской Армии Крайовой во время Второй Мировой Войны. Он призывает встать на сторону слабых и предоставить им право на использование средств, не предусмотренных международными конвенциями (Hamulcowe klocki).

Он обвиняет современное общество в масштабном медиа-производстве убийств. Телевидение приучает людей к кровопролитию (Dziedzictwo przaczłowieka?). Спутниковое телевидение приводит к потоку рекламы и информации, а также к культурному сглаживанию. Унификация вкуса апеллирует только к низким инстинктам (Co się stanie z Heleną?). Сложные программы показываются только посреди ночи.

Польшу Лем по-прежнему считает отсталой в плане спутникового телевидения и Интернета; это положение дел он приветствует. Отрицательным следствием прогресса и отмены цензуры Лем видит ухудшение языкового качества печатной продукции в Польше. Полемически он спрашивает, не вымерли ли с прогрессом и корректоры (Arytmetyka i etyka). В целом, по его словам, язык в современной польской литературе ухудшается, используя избыток нецензурной лексики (Powrót do prajęzyka?). Однако ему также не нравится противоположное развитие (языковой) «политкорректности». Он считает смешным, что американский издатель не хочет публиковать перевод рассказа «Профессор Донья», потому что сатира на африканские страны может возмутить афроамериканцев, и сравнивает эту процедуру с советской цензурой, которая удаляла отрывки из его рассказов и романов, которые в настоящее постсоветское время восстанавливаются (Dwie cenzury).

Имена, которые продолжают появляться: Анджей Леппер, Гельмут Коль, Борис Ельцин, Билл Клинтон, Слободан Милошевич, Иосиф Сталин. Лем также называет великих людей в литературе и философии, таких как Томас Манн, Славомир Мрожек, Збигнев Герберт, Генрик Сенкевич, Эрнст Юнгер. С точки зрения вкуса в искусстве он характеризует себя как консерватор: ничего ему не говорит проект художника Кристо, который завернул Рейхстаг в Берлине (Podatek od zaniżonej wartości).

Время от времени Лем использует для аргументации собственные тексты, например, "Prowokacja" (Zagłada i jej uwertura). Его критический взгляд на социальные

события можно увидеть в комментариях такого типа: когда он писал книгу "Summa technologiae", он даже не мог подумать, что информационная сеть может быть использована для порнографии (Tarcza i miecz). Он отмечает, что в романе «Фиаско» священник Араго отрицает существование меньшего зла. С одной стороны, Лем сразу же добавляет утверждение, что содержание романа не должно рассматриваться как личное выражение мнения. С другой стороны, он подтверждает правильность позиции Араго остроумным преувеличением: «Арифметика – не мера этики». ("Arytmetyka nie jest miarą dla etyki." *Arytmetyka i etyka*, стр. 71.) Лем пересекает границы между фикциональными и фактическими текстами в пользу оснований мысли. Также со ссылкой на «Фиаско», определенная гордость за свои мыслительные способности очевидна. Лем пишет: последние эксперименты доказали то, что он описал в "Fiasko", а именно, что жидкости принимают сферическую форму в невесомости (Błękitna planeta).

Социальная критика, ругань в СМИ и злоупотребление технологиями формируют скептически-пессимистический тон страниц сюжета в "Lube czasy".

5. „Rasa drapieżców“ (2006)

Десять лет спустя средства массовой информации и критика телевизионных программ и цифрового потока данных все еще занимают центральное место в фельетонах Лема. На первый план выходят вопросы производства энергии и климата. Неоднократно рассматривается позиция Польши между энергетическими центрами Берлина и Москвы.

Томаш Фалковски опять составил том. Статьи расположены в хронологическом порядке, с указанием месяца и года, и в среднем все еще содержат около 6000 символов.

Лем скептически интересуется Германией. Он приветствует тот факт, что Ангела Меркель, естествоиспытатель, стала канцлером; он хвалит ее трезвый стиль и пишет, что Польша может только мечтать о таких политических лидерах, как она (*Wieloryby i polityka*, январь 2006 г.). Кроме того, в Германии в газетах и журналах появляется больше статей о прошлом, чем в Польше, и это еще одна вещь, которую следует изменить (*Semper fidelis*, июль 2004 г.). Польская пресса недостаточно пишет о событиях в мире. После задержки доставки иностранной прессы он чувствует, что недостаточно проинформирован (*Pirania w Wiśle*, август 2004 г.).

Но Лем также ссылается на свой опыт во время Второй Мировой Войны, во время которой Львов был сначала захвачен советскими войсками, затем вермахтом и, наконец, снова Красной Армией. Как только Германия и Россия договорятся о чем-то на международной арене, Лем предупреждает о негативных последствиях для Польши. Он пишет, что видел следы немецко-советского сотрудничества в 1941 году, когда ему пришлось работать механиком в „*Beutepark der Luftwaffe*“, в «парке трофеев Люфтваффе», как он отмечает по-немецки. При демонтаже советских самолетов он увидел гравюру "Made in Germany" на шарикоподшипниках машин (*Moje lektury*, май 2004).

Путин неприемлем для Лема. Лем испытывает отвращение к попыткам Путина снова сосредоточить власть в Восточной Европе в России (*Semper fidelis*, июль 2004). Он видит в этом возрождение тоталитарных традиций (*Nowy świat?* Сентябрь 2004). "Возможно, его интересует пожизненное президентство?" ("*Może chodzi mu o prezydenturę dożywotną?*" *Gaz i Rapallo*, май 2005, 143-144.) В связи с изменениями, внесенными в Конституцию России в июне 2020 года, касающимися отмены предыдущего срока полномочий Путина, следует сказать: Лем был прав.

Этот отказ от российской политики контрастирует с эйфорией читателей Лема в России. Как ни парадоксально, последняя статья Лема "Głosy z sieci", опубликованная 9 февраля 2006 года, состоит из ответов на вопросы российских читателей - "интернаутов".

Лем становится эмоциональным в связи со своим родным городом Львовом, на который он часто ссылается по разным поводам. Он утверждает, что город был украден «у нас», Вроцлав остался заграничным городом (*Vita brevis*, июль 2004 г.). По случаю 60-

летия Варшавского восстания он пишет о своих воспоминаниях о вторжении советских солдат во Львов в 1941 г. (Ropa, июль 2004 г.).

Лем следит за американскими президентскими выборами и потрясен переизбранием Джорджа Буша. Он упоминает шиитское восстание в Ираке, израильско-палестинский конфликт, теракт в школе в Беслане, протесты мигрантов во Франции. Он сознательно не комментирует польскую избирательную кампанию, но тем более полемизирует по поводу немецкой. По его словам, на предвыборных плакатах Меркель появились наклейки с надписью «Месть Хонекера», отсылающие к восточногерманским корням Меркель. Лем говорит, что на месте Меркель он сразу же заставил бы своих людей наклеить на плакаты Шрёдера наклейки со словами «Месть Гитлера» (W cieniu piramid, октябрь 2005 г.).

Упомянуты также такие стихийные бедствия, как цунами 2004 года и наводнения в Германии, Швейцарии, Австрии, Чешской Республике и Венгрии в 2005 году.

Лем отмечает, что не мог писать о политике во времена ПНР (Po przełomie, сентябрь 2004 г.). Похоже, он воспринял это как ограничение, которое он хотел компенсировать в период с 1992 по 2006 год.

Лем с энтузиазмом читает Чеслава Милоша и потрясен его смертью в 2004 году, но еще больше – оскорблениями, которые он находит постыдными (Pod tuszem z romu, август 2004). Он называет Юлиуса Словацкого и Николая Гоголя, Войцеха Кучока и Эльфриду Елинек, Витольда Гомбровича и Александра Фредро. Вклад в журнал «Лампа» Анджея Стасюка, Ольги Токарчук и Дороты Масловской он не оценивает отрицательно: «Молодая польская литература делает не так уж плохо» ("Wcale nie jest z [młoda polską literaturą] tak źle"). Без formy, октябрь 2004 г., 78).

Часто Лем перескакивает с одной темы на другую, что он и замечает сам: «То, что я написал до сих пор, на самом деле не вписывается в продолжение». ("То, co dotąd napisałem, nie bardzo się gumuje z ciągiem dalszym"). (Ropa, węgiel i wybory, октябрь 2005 г., 217). Исключения составляют материалы, посвященные постоянной теме, такой как смерть Иоанна Павла II. (Rwasa fala, апрель 2005 года). Возможно, целью заигрывания с читателями, не способствующего постоянству его фельетонов, является заявление Лема за несколько недель до смерти о том, что если он сказал что-то важное в своей жизни, он сделал это в своих книгах (Rozkład jazdy, январь 2006 г.).

Перечисляются темы, часто без какой-либо явной внутренней связи, которые выходят за рамки основной идеи, характеризующей их как события и явления, о которых следует заботиться. Беспокоят соображения некоторых стран о выходе из ЕС (Bez punktu oparcia, июнь 2004 г.), планы Эрики Штайнбах по созданию центра против высылки (Kulka na bochnie, июнь 2004 г.), в принципе все: «Ситуация в мире наполняет меня беспокойством» ("Sytuacja świata [...] napawa mnie zmartwieniem". Pod tuszem z romu, август 2004 г.; 58). Он редко предлагает решения: «Если бы я знал, что делать, я бы сказал вам немедленно – но я не знаю» ("Żebym wiedział, co należy zrobić, zaraz bym powiedział – ale nie wiem"). (Chmury nad globem, ноябрь 2004 г.) Одним из исключений является производство энергии. Вместо того чтобы жаловаться в Польше только на российско-германский газопровод, следует взять на себя инициативу и исследовать альтернативы, такие как водород (Przeciw biadaniom, сентябрь 2005 г.).

Иногда Лем ссылается на свои собственные тексты, меньше на свои намерения, нежели на их рецепцию. Таким образом, некоторые люди были удивлены, что «Высокий Замок» о детстве во Львове межвоенного периода был допущен до публикации в PRL (Vita brevis). Ему стыдно за свои ранние романы, которые соответствовали социалистической идеологии («Астронавты» и «Магелланово облако»). Позже он занялся общими проблемами, с которыми столкнулась не только Польша, но и все человечество (Po przełomie, сентябрь 2004 г.).

Имена немецких политиков встречаются почти в каждой статье, часто встречаются и польские, а также русские и американские имена, иногда французские и украинские:

Эрика Штайнбах, Герхард Шредер, Джордж Буш, Дик Чейни, Жак Ширак, Виктор Ющенко, Александр Квасневский, Лех и Ярослав Качиньские. Особенно жестко он относится к польским политикам: «Втайне, однако, я мечтаю, что вся политическая элита Польши будет сметена со сцены» ("w skrytości ducha jednak marzę o wymieszeniu ze sceny całej polskiej elity politycznej."). (Ropa, węgiel i wybory, октябрь 2005 г., 221.) Такое заявление нельзя читать сейчас без упоминания авиакатастрофы под Смоленском в 2010 году, хотя Лем имел в виду нечто другое.

Путин и Меркель играют особую роль. Интенсивное изучение политических вопросов также оказало влияние на частную жизнь Лема. Томаш Лем сообщает, что в последние годы своей жизни Лем снова и снова думал об Ангеле Меркель, Владимире Путине и Джордже Буше. Это имена, которые появляются на его страницах почти каждую неделю. Кроме того, Лем во сне дискутировал со Сталиным, Черчиллем и Максом Планком (T. Lem 2009, 248).

Во многих случаях размышления Лема о политическом можно отнести и к сегодняшнему дню. Это потому, что он говорит о повторяющихся событиях, таких как президентские выборы в США, которые проходят каждые четыре года. В других фельетонах затрагиваются постоянно напряженные ситуации, например, ситуация в Польше в связи с германо-российскими отношениями. Другие вещи просто не изменились за полтора десятилетия, как, например, тот факт, что Владимир Путин сейчас – опять же – российский президент. Наблюдения за повышением температуры и соображения, касающиеся альтернативных форм энергии, в настоящее время как никогда актуальны. С другой стороны, последовательная позитивная оценка Лемом ядерной энергетики выглядит довольно отдаленной. Отказываясь от гомосексуальных браков и права гомосексуалистов на усыновление, он заявил, что полностью соответствует современной польской политике (W kręgu paranoi, июнь 2005 г.). Но вряд ли можно подтвердить его мнение, что «культура полемики» (Szachownica bez szachów, December 2005, 238) умерла в Польше, с сегодняшней точки зрения.

В некоторых случаях можно только качать головой и думать, «если бы он знал», например, когда Лем пишет о Джордже Буше: «Президент Буш кажется мне несимпатичным дураком, который не может признаться ни в какой ошибке» („prezydent Bush wydaje mi się niesympatycznym głupcem, który nie umie przyznać się do błędu.“ Vita brevis, 28).

6. "Planeta LEMa: Felietony ponadczasowe" (2018)

Особенно польский взгляд на Европу и мир, который прослеживается в фельетонах тома "Rasa drapieżców", лишь изредка встречается в "Планете LEMa".

В качестве пяти вневременных категорий фельетонов Лема выделены «Культура» (17 текстов), «Наука» (30 текстов – самая большая группа), «События» ("Wydarzenia", 15 текстов), «Будущее» ("Przyszłość", 7 текстов) и «О себе» ("O sobie", 16 текстов). Примечательно, что раздел о будущем – самый маленький. Прогнозы с риском быть быстро поглощенными – полная противоположность вневременным.

Тексты сборника раньше публиковались в следующих книгах: «Выход на орбиту» (Wejście na orbitę, 1962); «Одиноки ли мы в космосе» (Czy jesteśmy sami w Kosmosie, 1978-79); «Дилеммы» (Dylematy, 2003); «Молох» (Moloch, 2003); «Секс-войны» (Sex Wars, 2004); «Коротышки» (Krótkie zwarcia, 2004) и «Хищная порода» (Rasa drapieżców, 2006). Только пять из 51 текста "Lube czasy" и девять из 44 текстов "Rasa drapieżców" принадлежат к 85 «вечным» фельетонам.

Девять текстов – 1950-х годов. Тексты 60-х годов вообще не представлены. С 1970-х годов существует только цикл "Czy jesteśmy sami w kosmosie". С 1980-х годов ничего нет. Собраны 36 текстов 1990-х годов и 35 текстов 2000-х годов, что соответствует этапам, на которых Лем в основном занимался эссе и все чаще – фельетонами.

Что такое вечность? В области культуры Лем имеет дело с национальными и международными классиками, такими как Камю, Достоевский, Мицкевич и Милош, и чье чтение он связывает с текущими событиями.

В наши дни, во время эпидемии коронавируса, роман Камю пользуется большим спросом не только в Германии, но и в Италии, Франции и Австрии. Роман был распродан в 2020 году. Таким образом, анализ этого текста Лемом в 1957 году становится неожиданно актуальным, прежде всего потому, что в нем рассматриваются функции эпидемиологии, которые с 2020 года входят в повседневную лексику.

Лем тоже пишет по актуальной причине: в 1957 году, спустя десять лет после оригинального французского издания, был опубликован польский перевод. И Лем читает роман, как и замученные коронавирусом 21 века, на фоне собственного опыта, который имеет меньшее отношение к инфекциям и большее – к механизмам разрушения. Лем определяет «гениальную эпидемию» в качестве основного тона романа. Он определяет эпидемиологию как науку, которая занимается стратегиями вторжения. Однако в романе Камю слишком слабы страдания, а свободы больше, чем он сам испытал в те дни, когда людей превращали в мыло. Но это лишь остановка на пути к выведению смысла подтекста из трактовки очередного романа Камю "Le cas" и многочисленных ссылок на Достоевского и на американские романы. Нынешнее чтение становится поводом и отправной точкой как для теории литературы, так и для практического письма.

В тексте "Несдержанно о Достоевском" ("O Dostojewskim niepowściągliwie", 1957) Лем рассматривает том «Достоевский» Станислава Мацкевича 1957 года, который он сравнивает со статьей Томаса Манна. По его словам, Мацкевич все еще ощущает атмосферу царского XIX века и прежде всего занимается повседневными деталями и возможными моделями фигур Достоевского. Однако при этом он пропустил идеи Достоевского, пересекающие границы пространства и времени. Манн, с другой стороны, беспокоится именно об этом. Одним из признаков такого разделения является то, что Мацкевич едва интересуется «Записками из подполья» Достоевского, в то время как Манн сосредоточит свой анализ именно на этом произведении.

Лем неоднократно задавался вопросом, какое из его собственных произведений выживет в пространстве и времени. В этом раннем тексте он дал возможный ответ: тексты, которые он сам считал самыми важными (Высокий замок), не обязательно подпадут под эту категорию. Популярность «Соляриса», «Эдема» и «Непобедимого», которые имеют дело с основными представлениями о человеческом существовании, однако, совпадает с собственным диагнозом Лема.

Лем очень высоко оценил работу Чеслава Милоша (1911-2004). В тексте «Мой Милош» ("Mój Miłosz", 2001) по случаю выхода в свет поэтического сборника «К» (2000) Лем восхищается его литературным творчеством. Он дает историческую справку об агонии поэта в социалистической стране XX века, приводя в качестве примера украинское «расстрелянное возрождение», Анну Ахматову и Иосифа Бродского.

Темами научного раздела фельетона являются компьютеризация мозга, языка и кодов, генетика, производство энергии, а также разрушение мира. Эти темы связаны с эссе Лема и соответствуют основным темам научных исследований и популярной науки. Программным является его текст 1996 года «Мой взгляд на мир» ("Mój pogląd na świat"). В (символических?) семи разделах Лем представляет свой взгляд на мир как на информацию, воспринимаемую живыми существами, оснащенными неким «сенсориумом», поэтому мир жука, мир крысы и мир человека отличаются друг от друга. Технические инструменты и язык математики служат костылями или протезами для расширения спектра восприятия. Соответственно, однако, восприятие и логика инопланетян также могут быть совершенно разными, поэтому Лем говорит об эпистемической и онтологической относительности всей жизни во Вселенной. Из этого вытекает его отказ от Великой Единой Теории (GUT). Здравый смысл теряет свою актуальность перед лицом научных экспериментов.

В отличие от фельетонов из газеты "Tygodnik Powszechny", которые появились под таким же всеобъемлющим названием «Мир по Лему» ("Świat według Lema"), в тексте «Мой взгляд на мир» ("Mój pogląd na świat") Лем занимается основными принципами мира. Тексты такого рода доминируют в научной части «Планеты Лема».

В короткой рубрике «Будущее» читатели могут поностальгировать, читая заголовок «О 2000 году» ("O roku 2000"). Текст из далекого 1958 г. Но даже в то время Лем воздерживается от конкретных высказываний, над которыми он только смеется, и ссылается на предсказания более ранних времен. Общий рафинированный вывод в том, что будущее всегда представляется как улучшенное настоящее. При этом именно непредвиденные социальные изменения определяют облик Нового Света. Это бесспорно правильно. Но и банально. Научная фантастика Лема, в которой изобретения основаны на существующих, спроецированных в будущее, с понятными прогнозами, гораздо более смелая.

В разделе "O sobie" (О себе) есть фельетоны с биографической направленностью, а также с пояснениями романов Лема. Уступкой тому, что имя Лема обычно ассоциируется с его самым известным романом «Солярис», а тот, в свою очередь, как и многие романы, известен через экранизацию фильма, является включение в сборник текста "Stacja Solaris" (2002). В нем Лем рассказывает о съемках Стивена Содерберга. Лем никогда не смирился с этим фильмом. Он не видел экранизацию фильма и выносит свои суждения, основываясь на рецензиях в «Нью-Йорк Таймс» и других газетах. В основном Лем рассказывает о том, как он хотел показать ситуацию полного провала. В качестве побочного эффекта съемок Лем отмечает возобновление интереса к роману на международном уровне, поэтому он подписывает контракты с немецкими, датскими, норвежскими и корейскими издательствами.

В эпилоге под названием "Obszary dyskusji" Ежи Яжебский объясняет, что только благодаря чтению лемовской журналистики возникает более широкая картина Лема как «беспокойного духа, действующего во многих областях и использующего много языков, который постоянно стремится понять мир» ("działający na wielu polach i wykorzystujący wiele języków niezmiernie umysł, zajęty wciąż staraniami o zrozumienie świata." 583)

Яжебский идентифицирует одни и те же темы в художественной литературе и журналистике Лема. При этом он относит журналистику к «области быстрого реагирования» ("oddziałem szybkiego reagowania", 584), которая занимается тем, что происходит здесь и сейчас в науке, литературе, культуре и политике.

Журналистика Лема действовала как «популяризатор» этих тем. Но настоящей проблемой всегда были конфронтация, скептицизм и дискуссии.

Что касается технологии и естественных наук, то темы фельетонов пересекаются с темами эссе Лема. В обоих текстовых жанрах он критично комментирует явление интернета (Ryzyko Internetu; Infoterroryzm [Bomba megabitowa]).

В эпилоге к воспоминаниям Томаша Лема о своем отце Томаш пишет о разговорах, которые он имел с отцом в последние годы жизни отца.

«Мир, наш человеческий мир, все еще интересовал его, но и разочаровывал, иногда это даже приводило его в ярость. Разговоры иногда напоминали поездку на колесе обозрения с большими прыжками с макро на микроуровень, от начала жизни на земле до Анджея Леппера...»

"Świat, nasz ludzki świat, nadal go ciekawił, choć i rozczarowywał, czasem zaś doprowadzał do furii. Rozmowy przypominały niekiedy jazdę na diabelskim kole, z gwałtownymi przeskokami od makro- do mikroskali, od początków życia na Ziemi do Andrzeja Leppera..." (Fiałkowski in T. Lem 2009, 262.)

Лем писал так, как и говорил, и не только в это время. Его фельетоны во всем характеризуются этой порывистостью, что, с одной стороны, позволяет охватить широкий спектр тем, но, с другой стороны, приводит к меньшей строгости аргументации.

7. Заключение

Эссе Лема предлагают разумный и критический польский взгляд на мир, выраженный с точки зрения политики и истории. Некоторые тексты случайно обретают актуальное значение, как, например, изучение Лемом «Чумы» Камю или его критика линий Nordstream.

В фельетонных текстах Лем многократно обращается к собственной жизни, особенно к воспоминаниям о польском Львове его детства и о переживаниях во время Второй Мировой Войны. Фельетоны, таким образом, создают дополнительный вклад в биографию Лема, хотя и не слишком обширный. Однако они и искажают фокус, потому что почти ничего о жизни Лема после 1945 года из них не узнать.

Имена Меркель и Путина, которые продолжали появляться в ежедневных новостях в 2020/2021 годах, также определяли политику в 2004-2006 годах. Однако через несколько лет все будет выглядеть по-другому. Так что, если фельетоны из сборника "Rasa drapieżców" кажутся удивительно актуальными, это изменится в обозримом будущем. Это придаёт смысл и тому, что им уделяется мало места в "Планете Лема".

Станислав Ежи Лец формулирует следующее как «Непричесанные мысли»: «Реальность может быть изменена, фикция должна быть переосмыслена». Лем не хотел создавать новые вымыслы после середины 1980-х. По его мнению, шансов на улучшение ситуации в Польше было мало. Он видел мало решений выявленных проблем. Но он хотел инициировать своими фельетонами дебаты о необходимости польской политики в отношении России, о поиске альтернативных источников энергии, об использовании информационных и развлекательных средств массовой информации. Эти дебаты не могли бы быть более актуальными.

Список литературы

1. Lem, Stanisław: Lube czasy. Kraków 1995.
2. Lem, Stanisław: Rasa drapieżców. Teksty ostatnie. Kraków 2006.
3. Lem, Stanisław: Krótkie zwarcia. Kraków 2004. Dzieła zebrane, 22.
4. Lem, Stanisław: Planeta LEMa. Felietony ponadczasowe. Kraków 2016.
5. Lem, Tomasz: Awantury na tle powszechnego ciężenia. Kraków: Wydawnictwo Literackie 2009.
6. Metzler Lexikon Literatur. Hrsg. Von Dieter Burdorf, Christoph Fasbender, Burkhard Moennighoff. 3. Auflage Stuttgart, Weimar 2007.